

О. Н. Толочко

*профессор кафедры государственного управления
Белорусского государственного университета,
доктор юридических наук, доцент*

ПРОБЛЕМА ОПРЕДЕЛЕНИЯ ТЕРРОРИЗМА В МЕЖДУНАРОДНОМ ПРАВЕ И В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Практически каждое исследование по борьбе с терроризмом начинается с утверждения, что юридическое определение терроризма до сих пор не выработано. Это утверждение стало настолько общеупотребительным, что принимается на веру без особых обоснований. Вместе с тем проблема отсутствия определения терроризма в международном праве сильно преувеличена. Другой вопрос, что принятое в международно-правовой практике понимание отличается от сложившегося в отечественном праве. В международных же соглашениях понятие терроризма, террористического акта сложилось давно и вовсе не считается неким феноменом, не поддающимся определению.

В международном праве слово «террор» употребляется, во-первых, применительно к вооруженным конфликтам и, во-вторых, к ситуациям, не связанным с международными и немеждународными вооруженными конфликтами.

Что касается права вооруженных конфликтов, то Дополнительный протокол I 1977 г. к Женевским конвенциям от 12 августа 1949 г. запрещает действия или угрозы, имеющие основной целью террор гражданского населения (п. 2 ст. 51). Соответствующие нормы имплементированы в уголовное законодательство государств-участников, а также в антитеррористические конвенции и в Римский статут Международного Уголовного Суда 1998 г.

Международные соглашения, не относящиеся к праву вооруженных конфликтов, посвящены отдельным видам преступлений, относимым к общему понятию «терроризм». Терроризм, таким образом, определяется перечислением соответствующих составов.

Так, Международная конвенция о борьбе с финансированием терроризма 1999 г. определяет финансирование терроризма как предоставление или сбор средств с намерением их использовать для совершения деяний, представляющих собой преступления согласно догово-

рам, перечисленным в приложении к Конвенции. В числе таких договоров: Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 г.; Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации 1971 г.; Конвенция о предотвращении и наказании преступлений против лиц, пользующихся международной защитой, в том числе дипломатических агентов, 1973 г.; Международная конвенция о борьбе с захватом заложников 1979 г.; Конвенция о физической защите ядерного материала 1980 г.; Протокол о борьбе с незаконными актами насилия в аэропортах, обслуживающих международную гражданскую авиацию, дополняющий Конвенцию 1988 г.; Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности морского судоходства 1988 г.; Протокол о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности стационарных платформ, расположенных на континентальном шельфе 1988 г.; Международная конвенция о борьбе с бомбовым терроризмом 1997 г. Позднее к перечню террористических составов добавился ядерный терроризм (Международная конвенция о борьбе с актами ядерного терроризма 2005 г.).

Данный подход соответствует также принятому в Европейской конвенции по борьбе с терроризмом 1977 г., которая обязала государств-участников для целей выдачи не считать политическими преступления, отнесенные к террористическим: захват летательных аппаратов; акты, направленные против безопасности гражданской авиации; покушение на жизнь, телесную целостность или свободу людей, имеющих право международной защиты, включая дипломатических представителей; захват заложников или незаконное лишение свободы; правонарушения, содержащие использование бомб, гранат, ракет, автоматического огнестрельного оружия, бандеролей или посылок с опасными вложениями и др. Аналогичным образом вопрос решен также в Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма 2005 г.

Нетрудно заметить, что такое понимание терроризма не связывает деяния с их политическим подтекстом или, как Европейская конвенция 1977 г., даже подчеркнуто его игнорирует. Терроризм есть совершение таких деяний, как захват заложников, захват воздушного судна, использование бомб и т. д., независимо от целей и мотивов, которыми руководствуются совершающие их лица.

Данный подход не коррелирует с традиционным для отечественной доктрины пониманием терроризма как «прежде всего политического явления» [1, с. 163], «сложной формы политического насилия» [2, с. 25].

Он не соотнобразуется также с террористическими составами Уголовных кодексов Беларуси, России, ряда других постсоветских государств, которые содержат указание на цели таких актов в виде «дестабилизации общественного порядка», «провокации войны или международных осложнений», «оказания воздействия на принятие решений органами власти», «воспрепятствования политической или иной общественной деятельности» и др. Политические акценты в исследовании терроризма, террористических угроз проходят красной нитью сквозь большинство работ по данной проблематике, вследствие чего борьба с насилием как способом разрешения социальных проблем и конфликтов подменяется борьбой с политическими организациями, как будто террористический акт не может быть совершен в силу личностных качеств террориста, его способа коммуникации с окружающим миром, безотносительно к политике и власти. Как представляется, борьба с терроризмом будет гораздо более эффективной, если отвязать определение террористических актов от характера преследуемых преступниками целей.

Именно такой — юридический, а не политический — подход принят в универсальных международных организациях и в отношении международного терроризма, в понятие которого вовсе не вкладываются некие особые цели террористов в межгосударственных отношениях. Так, в докладе Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями 1990 г. Генеральный секретарь ООН определил международный терроризм как «террористические акты, при совершении которых исполнители (или исполнитель), планируя свои действия, получают руководящие указания, приезжают из других стран, спасаются бегством или ищут убежища, или получают помощь в любой форме не в той стране или странах, в которых совершаются эти действия». Думается, нужна научно-правовая дискуссия о правовом понятии терроризма в национальном законодательстве с учетом приведенных и иных норм международного права.

Список основных источников

1. Сидоренко, А. Г. Терроризм и антитеррористическая безопасность в контексте истории современной геополитики / А. Г. Сидоренко, Ю. В. Тихомиров. — М. : Кучково поле, 2011. — 640 с. [Вернуться к статье](#)
2. Джинджолия, Р. С. О некоторых вопросах определения терроризма и информационного терроризма / Р. С. Джинджолия, М. М. Хачидогова // Уголовная юстиция. — 2019. — № 13. — С. 25–28. [Вернуться к статье](#)